

Валерия Горбачева
Снежная песня

Валерия Горбачева

Снежная песня

«Издательские решения»

Горбачева В.

Снежная песня / В. Горбачева — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-748167-4

Мы выбираем, нас выбирают... Любовь. Счастливые пары? Пресловутые треугольники? А может, нет простых фигур, а есть одна сложная, где каждая точка — вершина, и все они связаны между собой видимыми и невидимыми нитями...

ISBN 978-5-44-748167-4

© Горбачева В.
© Издательские решения

Содержание

Вторник	15
Среда	21
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Снежная песня

Валерия Горбачева

© Валерия Горбачева, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Мириады снежинок несутся над темной рекой. Послушные холодной властной силе ноябрьского ветра, они летят под монотонный гул гудящего воздуха, шум машин на мосту, разговоры проходящих людей. Они летят вдоль вечернего города, а ощущение такое, что они двигаются в абсолютной пустоте и полном безмолвии. Белые пушинки в темноте еще незамерзшей реки. Куда несутся они столь неудержимо, куда влечет их бездумная яростная сила? На пути их стремительного бега стоит мост. И кажется, что эти легкие нежные создания неминуемо расплывутся о его грубые жесткие перила. Гибель их будет мгновенна и некрасива – легкое узорчато-воздушное неповторимое облачко превратится в мокрое незаметное заурядное пятнышко на сером бетоне. И все. Бег будет окончен. Так должно быть. Но вот они приближаются, все ближе громадина моста, все стремительнее исчезают оставшиеся метры и... о чудо! Перед самым концом дружная стайка вдруг взмывает вверх, в последнее мгновение увернувшись от нелепой и бессмысленной преграды, созданной человеком, перелетает через нее и снова ныряет вниз, ближе к темной реке, продолжая свой прекрасный бесконечный бег. Белая пелена над черной рекой.

– Оп-паньки, какие мужчины! Это я удачно зашла... – Анита пощелкала языком, устремив слегка вызывающий взгляд на вошедшего в аудиторию преподавателя.

– Вот именно – «зашла», – неприязненно пробурчала за соседним столом Марина – староста группы, – случайная гостья....

– Заглохни, старая, – беззлобно, почти весело бросила Анита, – не видишь, – преподаватель уже в аудитории, – громче и теперь уже поучительно вежливо добавила она. – Что за разговоры? Никакой дисциплины....

По рядам пробежался легкий смешок: громко смеяться группа не посмела: преподаватель новый – неизвестно как среагирует. Преподаватель не среагировал никак. Просто прошел к большому столу, стоящему рядом с кафедрой, достал из кейса лист бумаги и мобильный телефон и, оглядев аудиторию, негромко произнес:

– Здравствуйте, господа.

Аудитория издала нестройные невнятные звуки, которые при желании можно было считать за ответное «здравствуйте». Анита дождалась, пока стихнут голоса, демонстративно поднялась и, собрав свои вещи – тетрадь, ручку, сумочку и пакет, – процокала на первый ряд.

– Извините, – сказала она недовольным голосом, – шумят на лекции – ничего не слышно, так ведь можно и пропустить что-нибудь.

Сзади рассмеялись.

Преподаватель кивнул, чуть заметно улыбнувшись, и продолжил:

– Меня зовут Даниил Федорович Соколов...

– Неужели правда – Даниил? – Анита смотрела на преподавателя широко распахнутыми, наивными глазами, в них светилось детское восхищение, смешанное с недоверием. Так дети слушают сказки о волшебниках – и верить хочется, и на правду не очень похоже, – редкое имя такое, – извиняющимся тоном добавила она, чуть покраснев.

– Во артистка, – неслышно, одними губами пошептал на последней парте парень, – жалко редко появляется.

– Вас, девушка, я заметил самой первой, – неожиданно сказал Даниил Федорович, – как только вошел. – Он смотрел серьезно, и только где-то в глубине его глаз мелькнула искорка, – так что Вы можете больше уже не стараться, не тратьте зря свои силы, первое впечатление на меня Вы уже произвели.

– Благоприятное? – от детской наивности не осталось и следа, теперь Анита смотрела долгим завораживающим взглядом.

– Неизглядимое, – он равнодушно посмотрел ей прямо в глаза, и Анита неожиданно растерялась. Всего на мгновение, на доли секунды, но растерялась: мужчина был не только красив, но и силен. Силен характером – он не покраснел, не заулыбался ей в ответ, не поддержал шутку, даже не сглотнул. И самое ужасное, он заметил, что она растерялась, потому что Аните показалось, что она увидела мелькнувшее в глубине его глаз торжество.

– Ну тогда мне уже и идти можно? – Аните показалось, что она справилась с растерянностью.

– Нет, – без тени шутки или игривости сказал преподаватель, – в мою задачу входит не только понравиться вам, но и познакомить вас с основами исторического источниковедения, а в конце семестра еще и проэкзаменовать.

И снова Анита растерялась. Ответить она хотела, но на какие именно слова нужно было бы среагировать в первую очередь? То ли на упоминание об экзамене – пуганные, проходили! То ли на скучное название курса – историческое источниковедение – подумаешь, бином Ньютона! А может, на слова о задаче понравиться? «Понравиться мне входило в Вашу задачу?» – и посмотреть поощрительно-насмешливо, и добавить строго: «А решение ученого совета имеется?». Да, это была бы хорошая реплика на его слова, но момент был упущен, всего на секунду она опоздала, а Даниил Федорович уже начал лекцию. Пришлось промолчать. Ну да ничего, еще не вечер, как говорится. Через несколько минут на скамейку около нее легла записка. Анита, обернувшись, посмотрела, кто бы мог ее положить, но за длинным соседним столом все, уткнувшись в тетради, старательно записывали лекцию. «Вот клоуны, – презрительно улыбнувшись, подумала Анита, – да мне все равно, кто передал, главное – что там» и она развернула листок.

«Классно он тебя заткнул, малышка!». И все. Без подписи.

Анита дернула плечом, размашисто написала поверх строчек: «Французы в двенадцатом году тоже думали, что они наступают» и, не сворачивая листка, перекинула его на соседний стол. Шелест, сопровождаемый приглушенным смешком, побежал по рядам, свидетельствуя о том, что переписка стала достоянием общественности. Но Анита сделала вид, что это совершенно не касается, она постаралась придать своему лицу внимательное выражение и стала вслушиваться в слова преподавателя. Помимо своей воли она увлеклась: Даниил Федорович был умелым рассказчиком. Вскоре уже вся группа с увлечением слушала историю обнаружения древнерусских летописей.

Звонок известил о конце первой половины пары, и Даниил Федорович прервал рассказ.

– Отдыхайте, – улыбнулся он, взял свой мобильный телефон и вышел из аудитории, даже не взглянув на Аниту, которая, в общем-то, ждала, что он бросит на нее взгляд, чтобы ответить ему заготовленной улыбкой. Не получилось. Ладно. Анита выскочила из аудитории. В коридоре было немного народу: все равно в пятиминутный перерыв никуда не успеешь, если только ноги размять около аудитории, поэтому своего преподавателя она увидела сразу. Даниил Федорович разговаривал по мобильному, стоя около окна: в одной руке у него был телефон, другая была небрежно-изысканно засунута в карман. О чем он говорил, Аните было неслышно, но выглядел он потрясающе, Анита даже почувствовала легкий приятный толчок где-то внутри: стильный, уверенный, и наверняка ходит в тренажерный зал. Анита подошла ближе. Даниил Федорович скользнул по ее лицу равнодушным не узнающим взглядом и негромко засмеялся в телефон:

– Нет, я же только приехал, – сказал он в трубку, блуждая взглядом по коридору и бездумно провожая глазами всех проходившим мимо: он явно был увлечен разговором и никого не замечал.

Ах, так? Анита решительно вернулась в аудиторию, бросила в пакет тетрадь и ручку, схватила сумочку и, помахав на прощание всем рукой «бай-бай, бэби!», ушла. Демонстративно, не торопясь, она прошла мимо преподавателя в тот самый момент, когда зазвенел звонок. Даниил Федорович Соколов ее не окликнул.

– Паша, у меня еще две пары сегодня, – Екатерина Николаевна чуть слышно вздохнула, как будто взяла паузу, и продолжила, – я вернусь поздно..., – она послушала, что ей сказали в трубку, лицо у нее приняло виноватое выражение, и она заторопилась, – конечно, ужин готов, картошка и котлеты, разогреть только, и салат в холодильнике, – еще молчаливое слушание и чуть укоризненно, – Паша, ну что ты будешь сидеть голодный? Я даже на сковородку все положила – только газ включить и подогреть.... Паша, алло, Паша?...

Екатерина Николаевна неловко, даже воровато, оглянулась: не слышал ли кто, как она разговаривала, ей совершенно не хотелось, чтобы коллеги догадались, что ее муж просто бросил трубку. Но в преподавательской все занимались своими делами: Алевтина Владимировна читала последний номер журнала «Музей», Светочка сосредоточенно колотила по клавишам старенького компьютера, Даниил Федорович что-то чертил в своей записной книжке, а Алексей Геннадьевич, улыбаясь, читал чью-то курсовую. Это был ее коллектив, ее коллеги, ее приятели, но им вовсе необязательно знать, что ее муж не желает сам подогревать себе ужин, поскольку считает, что жена должна сидеть дома, поджидая мужа и держа ужин «на пару». И никто не виноват, что в университете вынужденный ремонт и почти половина аудиторий, залитая прорвавшимися трубами, пока не может использоваться: вот и приходится работать в две смены – когда-то с утра до трех, а когда-то с обеда до восьми, а то и девяти вечера – по очереди. Никто не виноват, но жена должна быть дома. Екатерина Николаевна еще раз украдкой вздохнула и глянула на часы – до конца перерыва оставалось чуть меньше пяти минут.

– Дорогие коллеги, – неожиданно громко провозгласил Даниил Федорович, – предлагаю сегодня пожалеть бедных студентов и отпустить их на полчаса раньше, – он улыбнулся, увидев веселые взгляды присутствующих, – надо бы отметить мое возвращение..., – он театрально развел руками, – нарезка и конфеты уже закуплены, а вино настоящее из Парижу. Алевтина Владимировна, не возражаете?

Алевтина Владимировна, заведующая кафедрой, совсем не возражала. А коллеги обрадовались. Во-первых, все любили Даниила Федоровича, «Данилу-мастера», как его здесь называли в отсутствие студентов. Передвинуть столы или перевесить книжную полку, исправить розетку или зависший компьютер, открыть заклинивший замок, завинтить разболтавшиеся гайки на стульях, поменять лампочку и прочая, прочая, прочая... со всем этим они обращались к нему: тридцатидвухлетнему кандидату исторических наук, спортсмену, красавцу, гитаристу и... прочая, прочая, прочая... Даниил Федорович никогда никому не отказывал, более того, все просьбы он выполнял весело и охотно, и этим, конечно, пользовались. Алексею Геннадьевичу, еще одному мужчине их кафедры, было уже за шестьдесят, и хотя в отсутствие Данилы-мастера он старательно выполнял все просьбы женщин, но его старались не сильно утруждать – все-таки возраст.

Ну а во-вторых, всем хотелось праздника. Занятия шли уже третий месяц, а они еще ни разу и не отмечали ничего: ноябрьский государственный праздник пришелся на выходной, так что его как-то и не заметили, разве что на день больше отдыхали, дни рождения посыпятся только после нового года, а собираться просто так, без повода, у них было не принято. А тут такой повод: коллега вернулся из зарубежной командировки! Из Парижа! Как не отметить такое событие? Поэтому никто спорить и не стал: решили, что все отпускают студен-

тов и собираются здесь. Светочка, лаборант кафедры, вызвалась к назначенному часу накрыть на стол, за что была вознаграждена ласковым взглядом обожаемого ею Даниила Федоровича и несколькими минутами персонального разговора, пока он показывал, где лежат принесенные продукты. А Екатерина Николаевна прикинула, что получаса ей будет достаточно, чтобы посидеть со всеми, а потом она тихонько уйдет и домой вернется вовремя. И будут и волки сыты, и овцы целы: и с друзьями посидит, и Паша не рассердится.

– Анита, а ты чего с лекции сбежала?

Анита обернулась: это Артем, однокурсник, приятель и сосед. Она улыбнулась:

– Проголодалась, – пропела она, – пошла в столовку булочку купить, червячка заморить....

– Ага, – засмеялся Артем, – рассказывай сказки, булочку! Да ты в жизни никакой булки не съешь!

– Ну, салатик, – с готовностью согласилась Анита, – булочка – это символ еды, мечта недостижимая, как пирожок с полочки....

– Зря ушла, – не среагировал на «мечту» Артем, – классно читает «Данила-мастер».

– А почему «мастер»? – в меру умеренно поинтересовалась Анита.

– А прозвище у него среди своих такое. Наверное, потому, что он мастер спорта, – охотно объяснил Артем.

– Слышь, Темыч, а чего он у нас не с начала семестра читает?

– А он во Франции был. Два месяца читал лекции вроде в парижском универе. Грант какой-то там у него.

– И откуда ты все знаешь? – Анита взяла парня под руку и чуть прижалась к нему плечом, – ты что – шпион?

– Я даже знаю, что он не женат. – Артем, довольно рассмеявшись, лукаво посмотрел на Аниту.

– Да ладно?! – не поверила она, – Темыч, ты серьезно?

– Ну да, вроде разведен он.

– Ничего себе, – пробормотала потрясенная Анита, – как можно было такого мужчину оставить?

– Ишь, как тебя зацепило, – хмыкнул Артем, – так, может, это не его оставили, может, это он бросил.

– Мужчины в «никуда» не уходят, – со знанием дела произнесла Анита, – если бы он ушел из семьи, то наверняка к кому-нибудь, а раз он сейчас неженат, значит, это ему сделали ручкой....

– Ой, какие мы грамотные....

– Все равно, не понимаю, как можно оставить такого мужчину, – как будто даже не заметила Анита последней реплики.

– А может, он импотент? – усмехнулся парень.

– Прекрати, Темыч, не пори ерунды.

– А что, бывает же....

Артем уже явно шутил. Но Анита его уже не слушала. Красавец-мужчина Даниил Федорович Соколов, Данила-мастер, не женат. Надо бы походить на его лекции. Не то, чтобы Аниту могла остановить какая-то там неведомая жена, но если ее в принципе нет, то это гораздо, гораздо легче. Да, придется почаще приходить в университет в этом семестре.

Желающих попробовать парижское вино оказалось много. Хорошо, что они начали на полчаса пораньше и поэтому успели обсудить свои внутренние вопросы до того, как закончилась последняя пара, и потянулся «на огонек» народ с других кафедр. Даниил Федоро-

вич выставил еще две бутылки вина, а Алевтина Владимировна достала откуда-то еще одну большую коробку конфет. Начался обычный шум, суета и обрывочные, короткие разговоры, когда большая компания разбивается на мелкие группки и состав этих групп меняется незаметно и бессистемно, плавно перетекая из одной в другую. Екатерина Николаевна решила, что сейчас уже самое время уходить. Народу в небольшом, в общем-то, кабинете собралось прилично, стало даже тесновато, и если она сейчас потихоньку уйдет, то никто и не заметит. Екатерина Николаевна проверила сумку, положила в нее мобильный телефон и с легкой улыбкой выскользнула за дверь. Хорошо, что шкаф с верхней одеждой у них в соседнем кабинете, никто и не обратил внимания, что она ушла. Екатерина Николаевна быстро переобулась, натянула куртку и, выглянув в коридор – никого нет, – легко проскочила на лестницу, ведущую на первый этаж. Ура, никто не...

– Кать, ты что, уже домой?

Екатерина Николаевна, уже взявшаяся было за ручку входной двери, обреченно вздохнула, но сделать вид, что не расслышала, не могла. Поэтому она обернулась.

– Даниил Федорович, мне уже пора..., – начала, было, она, но он перебил ее:

– Кать, мы же договорились, – в его глазах появилась то ли обида, то ли упрек, – погоди меня, я тебя провожу, – и, не дожидаясь ответа, Даниил Федорович исчез.

Екатерина Николаевна улыбнулась. Она вышла на крыльцо и глубоко вздохнула: прохладный вечерний воздух проник глубоко в грудь, вызвав легкое приятное головокружение. «Мы же договорились». Это было уже почти полгода назад, но воспоминания об этом «договоре» все еще тревожат ее, и она до сих пор не может понять, как все получилось. Она пыталась не думать, не вспоминать, и иногда ей это удавалось, но стоило только Даниилу Федоровичу, то есть Дэнни, напомнить, как она тут же вспоминала все снова так отчетливо, как будто это было только вчера. Вот и сейчас, она стоит на крыльце и вспоминает....

Май. Теплый, зеленый, буйный, с грозowymi раскатами и радугами в полнеба. Что они праздновали тогда? Ах, да, конечно, Алевтине Владимировне исполнилось сорок пять лет, и она решила отметить юбилей в кафе. Было много гостей, вина и музыки. И было весело. Коллеги, родственники, друзья именинницы удивительным образом слились в большую дружную компанию. Они танцевали, пели под караоке, отгадывали какие-то загадки и смеялись. Да-да, они все время смеялись. Екатерина Николаевна помнила это очень хорошо, потому что она тоже веселилась вместе со всеми и не торопилась домой, так как муж был в доме отдыха: он взял себе путевку, чтобы «подлечить расшатанные нервы». И вот в разгар веселья вдруг Даниил Федорович пригласил ее на танец. «Вдруг» – потому что она не ожидала, потому что он постоянно был в окружении каких-то женщин, которые с ним разговаривали, улыбались, танцевали и пили на брудершафт. Нет, Екатерина Николаевна тоже не сидела, она тоже танцевала, но Даниил Федорович был как-то в другой стороне, и вдруг это приглашение....

Екатерина Николаевна, услышав, как стукнула входная дверь, обернулась: Даниил Федорович вышел на крыльцо, улыбнулся и, подойдя к ней вплотную, шутливо-грациозно согнул руку в локте, молчаливо предлагая ее Екатерине Николаевне. Она, улыбнувшись, так же без слов приняла это приглашение. Они молча спустились со ступенек и медленно пошли по пустынной улочке. Даниил молчал, и Екатерина снова вспомнила тот вечер: тогда он тоже сначала молчал.

...Они танцевали медленный танец под бархатную хрипотцу Сальваторе Адамо. *Tombe la neige* ... «Падает снег...» Это было странное сочетание: майский вечер и эта песня, про снег, от которой мелькающие блики разноцветных огоньков светомузыки стали казаться снежинками. Весна, и снег, и его молчание. И мир вокруг вдруг изменился, он непостижимым образом перестал быть реальным, линии потеряли четкость и строгость, а звуки голосов и шагов стихли.... Завораживающая мелодия, отчего-то вдруг понятное значение незнакомых слов, кружащиеся вокруг огоньки-снежинки и ласково-несмелые руки мужчины, который ей нра-

вился. Екатерина Николаевна тихо и осторожно положила голову ему на плечо, почувствовав в ответ, как чуть сильнее он прижал ее к себе. Пусть, мир ведь нереален, они же во сне. И тогда он вдруг прошептал:

– Екатерина Николаевна, Вы любите секреты?

– Только свои, – чуть улыбнувшись и почему-то совсем не удивившись, ответила она.

– Я предлагаю создать маленький безобидный секрет, – он шептал ей прямо в ухо, чуть касаясь волос губами, и от этого почти неосязаемого прикосновения у нее кружилась голова.

– Безобидный? – Екатерина Николаевна не подняла головы от мужского плеча, лишь чуть шевельнулась, – безобидные секреты были только в детстве, когда мы закапывали в землю цветные стеклышки....

– Давайте вспомним детство....

Теперь Екатерина Николаевна все-таки оторвалась от его плеча и рассмеялась:

– Мы пойдем закапывать стеклышко?

– Нет, – Даниил Федорович ласковым движением притянул ее голову снова к своему плечу, и она послушно приникла к нему, – нет, – повторил он, – копать не будем, мы вспомним, что молоды, и забудем, что мы учителя, мы будем звать друг друга на «ты» и по имени, когда мы одни. Договорились?

Екатерина Николаевна улыбнулась. Ей показалось, что это действительно безобидный секрет. На «ты» и по имени, когда они одни... почему бы и нет? Маленький секрет для двоих.

– Даниил – красивое имя, но мне не нравится сокращенное «Данька», – чуть виновато пробормотала она.

– А ты придумай, как нравится, – прошептал мужчина, – называй меня так, как будто ты просто думаешь обо мне перед сном....

Его слова были немного двусмысленными, немного чересчур свободными, как будто намекающие на что-то, но она же была во сне....

– Мне нравится Дэнни, – почему-то ей действительно нравилось называть его так, – потому что ты не похож на Данилу, ты похож на Даниеля.

На этих словах музыка стихла, и мир снова вернулся в привычные очертания. Даниил Федорович, улыбнувшись какой-то совсем незнакомой улыбкой, посмотрел Екатерине Николаевне в глаза и, не проронив ни слова, проводил ее до столика. Там, чуть поклонившись, как будто благодаря за танец, произнес чуть слышно, одними губами:

– Так мы договорились?

И она ответила послушно, заморожено глядя на него:

– Да, договорились.

А через несколько минут он смеялся, пил и танцевал с другими. Он что-то говорил им во время танца, чуть склонив голову и глядя им прямо в глаза, а Екатерина Николаевна, наблюдая за ним, чуть удивленно прислушивалась к своему стучащему сердцу – ревность? «Господи, помоги мне, – думала она, – мне уже тридцать лет, а я веду себя как студентка-первокурсница. Это же просто смешно...»...

– Кать, ты торопишься? – голос Даниила Федоровича прозвучал, как всегда неожиданно для нее, возвращая в сегодняшний день.

– Конечно, я и так задержалась, – Екатерина Николаевна избегала называть его по имени, ожидая или предчувствуя что-то непоправимое, что может случиться, если она начнет говорить ему Дэнни. Так ей казалось.

– А куда ты спешишь-то? – в голосе мужчины появилось плохо скрытое раздражение. И Екатерина удивленно посмотрела на него, но Дэнни смотрел прямо перед собой, не поворачивая головы, как будто разговаривал сам с собой.

– Домой, – Екатерина вздохнула и добавила, – меня муж ждет.

– Позвони ему и скажи что задержишься, – неожиданно предложил вдруг Даниил.

– Задержусь? – рассмеялась Екатерина, – да мы уж пришли, – она кивнула в сторону серой кирпичной пятиэтажки через дорогу минутах в пяти ходьбы.

– Мы могли бы зайти посидеть куда-нибудь, – безнадежно произнес Даниил, – все-таки больше двух месяцев не виделись...

Екатерина почувствовала, как чуть дрогнули ее пальцы, лежащие на руке Дэнни, и поняла, что он тоже почувствовал это. Она вспыхнула и медленно попробовала убрать руку, но Даниил не дал: он прижал ее пальцы своей ладонью и сказал глухо:

– Перестань, Катя, что за детский сад... – он помолчал немного и добавил, – а я по тебе скучал.

Екатерина промолчала. А что она могла ему сказать? Сказать, что тоже скучала, что нет-нет поглядывала на календарь, прикидывая, сколько осталось до его возвращения? Признаться, что без него дни были пустыми и серыми? Или соврать, что даже не вспоминала о прощальном разговоре чуть больше двух месяцев назад, когда он, Дэнни, взяв ее за руки, попросил неожиданно: «Дождись меня, Катя». И она поняла, о чем он просил: не погасить ту искорку, что вспыхнула между ними под «снежную» песню, не растерять ту крошечку тепла, что потаенно пряталась в их вежливых улыбках, когда они официально-равнодушно здоровались при встрече, не забыть их маленький безобидный секрет...

Но ведь нельзя, нельзя, нельзя! У нее муж. А Дэнни хоть и разведен, но наверняка у него тоже кто-то есть. И вообще, между ней и Дэнни ничего не было, и быть не может, это же ясно. Они же просто... приятельствуют, так, кажется, это называется. Потому что сказать, что они дружат, нельзя. Они не ходят друг к другу в гости и не советуются друг с другом по личным вопросам, и у них нет общих друзей и общих увлечений, они просто работают вместе. И у них есть маленький безобидный секрет. Поэтому Катя и промолчала. Уже почти подойдя к своему дому, она спросила:

– Как тебе мой второй курс?

– Твой? А, ты у них куратором, что ли? – Даниил довольно охотно поддержал разговор, – ничего ребята, девушка одна там смешная, артистка.

– Аня Львова, – то ли полувопросительно, то ли полуутвердительно сказала Екатерина, – неужели пришла на лекцию?

– А что, обычно не ходит?

– Обычно не ходит, – почему-то весело подтвердила Екатерина, наверное, потому, что эта тема была приятная и совсем безопасная, – но сдает все, причем на отлично в основном, редко на четверку.

– Платит? Или умненькая? – Дэнни усмехнулся.

– Умненькая. – Екатерина покачала головой, – у нас сейчас вообще редко кто берет....

– Да ладно, Катя, – Даниил наклонился к ней и шепнул прямо в ухо, – я свой.

– Да правда, Дэнни, на нашей кафедре после того как ушел Марат...

– Катя, я все понимаю, – перебил он ее, – но не у каждого есть грант, и не у каждого есть зарабатывающий супруг.

– Что ты имеешь в виду? – Екатерина вдруг задохнулась от пришедшей на ум догадки, – ты хочешь сказать, что я....

Она хотела сказать, что неужели он думает, что если бы не муж, то она брала бы взятки, она возмутилась и поэтому взглянула ему прямо в глаза, которые неожиданно оказались совсем близко. И вдруг смутившись от этой близости, замолчала, забыв, что говорила.

– Я хочу сказать, что ты живешь за счет мужа. Он же у тебя прилично зарабатывает?

Спокойный и насмешливый голос Даниила привел ее в чувство:

– И что? – вызывающе спросила она.

– И ничего, – от его спокойствия и насмешливости не осталось и следа, теперь в голосе Дэнни послышалась злость.

– Я не понимаю..., – Катерина растерялась.

– Да завтра, Кать, – Даниил приоткрыл дверь ее подъезда, – пока!

– Пока.

Екатерина послушно вошла в подъезд и стала медленно подниматься по ступенькам. Вот что он разозлился? Она не поняла. С ним всегда так. И никак ей не понять, что вдруг на него находит. И ладно бы он разозлился в тот момент, когда признался ей что скучал, а она промолчала – это хотя бы понятно, он мог обидеться, расстроиться.... А сейчас? Да, Паша хорошо зарабатывает, да, она зарабатывает намного меньше, но ведь это же нормально, и сам Даниил зарабатывает хорошо, мужчины и должны зарабатывать.... Так почему он рассердился-то?

– Mam, разбуди меня завтра, как будешь уходить, – Анита забралась на диван, на котором сидела ее мама, и устроилась рядом, – мне завтра к первой паре....

– Не может быть, – преувеличенно-удивленно всплеснула руками Елена Антоновна, – не прошло и двух лет, как у вас появились первые пары?

Анита засмеялась:

– У нас же ремонт, поэтому бывает вторая смена, – заученно проговорила она, – я же сто раз объясняла....

Несмотря на некоторую грубоватость слов, тон дочери был подчеркнута-шутливый, и Елена Антоновна ласково потрепала дочь по затылку:

– А когда не было ремонта, почему первые пары не ставили ни на первом курсе, ни на втором... чего это вдруг ты решила на первую-то пойти, а?

– Да понимаешь, мам, очень интересная тема, а поставили первой парой, злыдни. – Анита уже растянулась на диване, положив голову маме на колени и почувствовав, что мама стала перебирать ее волосы, с наслаждением прикрыла глаза. – Представляешь, мам, я тут случайно зашла на лекцию, а там....

– Ох, Аня, – на этих словах Анита чуть заметно сморщила нос: ей не нравилось, когда ее называли Аней, она придумала себе современную и стильную вариацию – Анита и требовала от всех, чтобы ее называли только так, но маме она не перечила никогда. Поэтому она промолчала, а мама даже не заметила ее движения и продолжала укоризненно-ласково, – ты бы хоть матери такое не говорила – случайно она на лекцию забрела....

– Ну, мам, я же все сдаю, – счастливо засмеялась Анита, и, приоткрыв глаза, взглянула на мать, – претензий же нет?

– За что только тебе пятерки ставят...

– Так я же умная, и книжки читаю, и потом, я же все-таки хожу иногда...

Елена Антоновна засмеялась и поцеловала дочку в лоб:

– Ну и что там, на лекции, куда ты случайно забрела?

– Там интересный предмет с удивительно скучным названием, – воодушевленно начала Анита, она даже привстала, перевернувшись на живот и опершись на локти, – историческое источниковедение – я думала, что со скуки помру, а он так интересно читает....

– Новый преподаватель?

– Ага, – Анита мечтательно закатила глаза, – мам, ты не представляешь, он такой.... И имя у него редкое – Даниил. Даниил Федорович.

– Молодой? – Елена Антоновна улыбнулась: вообще-то ее дочка не была влюбчивой, скорее влюблялись в нее, а она наслаждалась властью над влюбленными мальчишками, парнями, молодыми мужчинами....

– Ну, относительно молодой, – пожалала плечами Анита, – тридцатник ему, наверное, может немного больше.... Я не знаю. Он только что вернулся из Парижа....

И Анита начала рассказывать матери все, что она знала про Даниила Федоровича. Елена Антоновна слушала внимательно и чуть удивленно. Дочка была явно увлечена. Это было....

непривычно. Анита довольно часто рассказывала ей про своих кавалеров, без подробностей, конечно. Елена Антоновна была достаточно мудрой, чтобы понять, что, возможно, ее девочка уже совсем взрослая, и достаточно деликатной, чтобы не спрашивать ее об этом. Домой Анита никого не приводила, разве что иногда кто-то заходил за ней или наоборот провожал, если было поздно. Этих ребят Елена Антоновна знала – в квартиру Анита разрешала заходить лишь бывшим одноклассникам или нынешним однокурсникам. Про остальных рассказывала и иногда показывала фотографии. Ей много звонили, писали и даже караулили у подъезда – Анита была хороша собой, в нее влюблялись, но что бы она сама... этого Елена Антоновна не замечала. И вдруг такое воодушевление....

– И он не женат. Представляешь, мам? – тем временем продолжала Анита, даже не замечая своей, пожалуй, излишней эмоциональности.

– Даже если он не женат официально, это еще не означает, что он свободен, – как бы невзначай обронила Елена Антоновна, – Аня, ему все-таки не двадцать лет.

– Ну и что? – снова мечтательно проговорила Анита, – мало ли у кого кто есть....

Елена Антоновна лишь покачала головой.

– Значит, завтра ты идешь не на источниковедение, а к Даниилу Федоровичу, – чуточку насмешливо произнесла она, – так, дочка?

– Э-э-э-э ....

– Понятно, «пришла пора – она влюбилась»? – Елена Антоновна постаралась придать своему голосу побольше легкомысленности и шутливости.

Анита по-детски дернула плечом:

– Да ну, мам, нет, конечно, еще чего не хватало....

Это насторожило Елену Антоновну уже всерьез, и она поспешно перевела разговор:

– Аня, ты в пятницу уезжаешь?

– Ага, – Анита чуть потянулась, – в пятницу.

– У тебя к выступлению все готово?

– Конечно, это же по итогам моей курсовой.

– Аня, давай тогда в четверг на кладбище съездим? Машеньку навестим .... В пятницу шесть лет будет, как ее нет ....

– Я помню, – Анита ласково и грустно посмотрела на маму, – конечно поедем. Жалко, что папа в командировке.

– Ну у него же работа такая, Анечка, от него это не зависит.

– Знаю, – вздохнула Анита, – хотя по его должности пора бы уже в кабинете сидеть, а не мотаться по полям.

– Ну ты же понимаешь, Аня, наш папа...

– Да-да, – Анита ласково обняла маму, – наш папа любит все проверять сам, он очень-очень ответственный. Только скорей бы он уже приехал.

– Две недели осталось, дочка, всего две недели.

Паша, конечно, не ужинал. Он лежал на диване, демонстративно глядя в потолок. Телевизор был выключен, радио тоже молчало, а свет горел во всех комнатах, кроме кухни. Екатерина Николаевна, еще не разувшись и не сняв куртку, заглянула в комнату.

– Привет, – сказала она ласково, – не ужинал?

Муж промолчал. Он даже не встал с дивана, но Катерина привыкла: понятно, он обиделся. Ничего, сейчас она подогреет ужин, накроет на стол и позовет его. Потом объяснит – в который раз! – про ремонт и вторую смену, потом пообещает, что скоро все закончится, и еще соврет, что попросит руководство ставить ее пары только в первую смену. И не станет говорить, что жутко устала, что занятий много, что от запаха краски и побелки болит голова, и вообще, что работа у нее со студентами, шумными, непредсказуемыми, иногда хулиганистыми. Она

будет просто уговаривать его простить и не обижаться. Он еще немного пообижается, но потом растает, и все будет хорошо...

Поздно вечером, когда они уже лежали в кровати, Паша, по-хозяйски притянув к себе жену, спросил:

– Что нового в университете? И вообще, почему ты сегодня так поздно?

– Так ведь я говорила..., – начала, было, Катерина, но муж не дал договорить:

– Катя, ты пришла на полчаса позже, чем обычно, я же знаю, когда заканчиваются занятия...

Катерина быстро и виновато взглянула на мужа, но он был расслаблен и благодушен, поэтому она рискнула:

– Сегодня Соколов вернулся из Франции, – чуть извиняющимся тоном произнесла она, – проставлялся, неудобно было сразу уйти, пришлось пятнадцать минут посидеть, а потом я сбежала, – Катерина, улыбнувшись, пожала плечами, – хотя все еще оставались.

– Чем проставлялся? – Павел, кажется, не рассердился.

– Французским вином, сыром и конфетами.

– Пила?

– Один глоток..., – Екатерина сначала произнесла эти слова и только потом вспомнила, что говорить этого не следовало ни в коем случае, но было уже поздно.

– Катя, сколько раз я тебе повторял, что я не люблю, когда ты приходишь домой выпившая...

– Паша, ну какая выпившая, – начала тут же оправдываться Катя, – ну что ты такое говоришь? Я один глоток выпила...

– Ты знаешь, что я этого не люблю.

– Паш, но ведь если бы я не сказала, ты бы и не заметил.

– Я заметил сразу, но просто промолчал.

Катя знала, что он лгал, но спорить не стала. В конце концов, это не имело уже никакого значения. У Павла были «домостроевские» взгляды. Жена должна быть младше мужа, она должна быть послушной, она должна вести хозяйство и никуда без мужа не ходить, кроме как на работу. Наверное, он предпочел бы, чтобы она вовсе не работала, но интеллигентная должность жены – преподаватель университета – нравилась ему и ко всему прочему соответствовала его положению. Сам Павел Анатольевич был заместителем директора крупного преуспевающего завода, очень неплохо зарабатывал, пользовался авторитетом не только на предприятии, но и в министерстве, и мог иногда снисходительно сказать: дескать, жена у меня преподает в университете, зарплаты там, конечно, маленькие, но ей нравится, и я, как глава семьи, могу обеспечить ее. Пусть, мол, занимается любимым делом. И все вокруг с уважением и одобрением согласно кивали: да-да, вот замечательный муж. И Екатерина Николаевна, тоже улыбаясь, кивала: замечательный муж. Не пьет, хорошо зарабатывает, красивый и солидный. А что требует послушания и порядка, так это правильно.

Катя вздохнула и прижалась к мужу. К счастью, сегодня он не захотел продолжать «воспитание», и лишь чуть нахмурив брови, сказал «Смотри мне». Екатерина послушно кивнула, и тогда он привлек ее к себе.

Вторник

Анита увидела Даниила Федоровича за пять минут до начала лекции. Она ждала его около деканата уже минут пятнадцать, и даже начала немного «дергаться»: неужели его лекцию отменили или перенесли? Зря она, что ли, вставала такую рань? Однако ее опасения оказались напрасными – за пять минут до начала он пришел. Чуть вспыхнув от удовольствия, что все получается, как она планировала, Анита деловым шагом и с серьезным выражением лица направилась наперерез преподавателю.

– Здравствуйте, Даниил Федорович, – немного виноватым тоном сказала она, – извините меня, мне прошлый раз пришлось уйти с лекции – срочно нужно было маме ключи отвезти, – Анита чуть улыбнулась, как бы смущаясь оттого, что она такая внимательная дочь, и торопливо добавила, – но я все перепишу... – и выжидательно посмотрела на преподавателя.

– Хорошо, – равнодушно бросил тот.

Анита вспыхнула.

– А если я что-то не пойму или нужно будет что-то уточнить, можно мне к Вам обратиться?

Даниил Федорович, уже собравшийся было идти, внимательно посмотрел на студентку: тоненькая, темноволосая, дерзкий взгляд и вызывающе насмешливые губы. Уверенная в своей неотразимости, избалованная вниманием и любовью. Впрочем, действительно хороша. Даниил Федорович неожиданно ласково улыбнулся, и, чуть прищурившись, посмотрел Аните прямо в глаза долгим немигающим взглядом. Она растерянно замерла.

– Конечно, обращайтесь, Львова, – чуть насмешливо, но очень чувственно произнес Даниил Федорович, выдержав паузу, – всегда буду рад помочь, – он еще раз улыбнулся и, наконец, отвел взгляд. Как будто отпустил.

Анита судорожно вздохнула, еще не понимая до конца, что произошло. Звонок ударил по ушам резко и болезненно, выводя ее из странного оцепенения. Преподавателя рядом не было. Анита беспомощно оглянулась, как будто вспоминая, что должна делать, еще раз нервно и неровно вздохнула и пошла в аудиторию. Даниил Федорович пришел через минуту.

– Катя, ты сегодня опять поздно? – Павел, недовольно нахмутив брови, строго посмотрел на жену.

– Паша, но ведь я... – Катерина сжалась, и чашка с крепким кофе, которую она подавала мужу, чуть дрогнула в руке. Почему-то она думала, что муж, после ночи, которую они провели вместе, после ее послушания и податливости, не станет с утра заводить этот разговор.

– Что ты дергаешься? – Павел, кажется, увидел, как дрогнула ее рука, и рассердился, – я что, бью тебя или наказываю?!

– Нет, что ты...

– А что тогда ты так боишься-то? – неожиданно голос мужа стал почти ласковым. Он по-хозяйски притянул ее к себе и, усадив на колени, стал водить рукой по ее груди, талии, бедрам... Катерина послушно замерла.

– Ладно, мне пора, – спустя минуту с некоторым сожалением, и в то же время с явным удовольствием от своей власти над ней, Павел отпустил жену. – Тебе к трем?

– Да, к трем, – кивнула Екатерина, запахивая халат, и стараясь не смотреть на мужа, – а ты хотел мне что-то поручить?

– Нет, просто спросил.

Он встал, небрежно поцеловал ее в щеку, взглянул на часы и выглянул в окно: машина уже пришла.

– Катя, когда вы уезжаете на конференцию-то?

– В пятницу. А возвращаемся в воскресенье вечером.

– Да я знаю, что в пятницу, – несколько раздраженно сказал муж, – я спрашиваю – во сколько?

– Я точно не знаю, – Катерина опять почувствовала себя виноватой, – университетским автобусом едем, наверное, после обеда сразу, часа в три.

– Понятно. Ладно, я пошел, пока, не задерживайся, – привычно произнес он и ушел.

Катя посмотрела на часы: половина девятого. Надо помыть посуду после завтрака, прибрать кухню, посмотреть, что нужно забросить в стиральную машину, и решить, что приготовить на ужин. Но вместо всего этого она неожиданно скинула халат, включила проигрыватель, вставила диск, выбрала нужную дорожку, и забралась в кровать. *Tombe la neige...* Она закрыла глаза, вспоминая... огоньки-снежинки, его руки, его плечо и губы, чуть касающиеся ее волос..., голова закружилась, мысли устремились вдаль легко и неудержимо, путая реальность и мечту... *Tombe la neige...* Кружатся белоснежные пушинки, увлекая ее в неизвестность... и вот уже в затуманенном сознании он целует ее, а она, обвив тонкими руками его шею, сладко тонет в его объятиях....

И снова записка легла на скамью совершенно незаметно. Скосив глаза на белый листок, сложенный вчетверо, Анита не стала его брать. Она все еще пыталась сосредоточиться на том, что говорил Даниил Федорович, но получалось плохо. Она практически ничего не понимала, бездумно вслушиваясь в его голос, пытаясь поймать его взгляд, любуясь его уверенными движениями и с удивлением прислушиваясь к своему гулко стучащему сердцу. Такое с ней было впервые. Она даже не пыталась понять, что происходило с ней, она просто наслаждалась его присутствием и глупо улыбалась, когда он невзначай скользил насмешливым взглядом по ее лицу. Ей хотелось, чтобы лекция длилась вечно. Но записка непостижимым образом все-таки мешала ей, и Анита, протянув руку, развернула ее. «У тебя есть конкурентка». Анита хмыкнула и оглянулась. Конкурентка? Это о чем? Она еще раз взглянула на записку: печатные буквы, почерк не определишь, подписи нет. Анонимка. Анита еще раз хмыкнула. Она хотела, было написать в ответ что-нибудь дерзкое, что-то типа «как челобитную царю подаешь?!» или, наоборот, скучное «здоровая конкуренция – двигатель прогресса», но передумала. Небрежно сунула листок в тетрадь и снова переключила свое внимание на преподавателя. Конкурентка ей? Здесь? Это просто смешно. В пятиминутный перерыв она подошла к Артему.

– Темыч, дай мне твои лекции, а?

– Сейчас? Какие? – удивился он.

– Не, потом, после занятий, – Анита сморщила нос, и почесала переносицу, – прошлую лекцию, и сегодняшнюю.

– А ты, что, опять лентяешь? – парень покачал головой, – Анита, когда ты за ум возьмешься? Или стряслось у тебя чего?

Артем был старше Аниты на четыре года. Он вообще был самый старший у них на курсе. У него за плечами была армия и завод. Иногда он вдруг становился веселым и легкомысленным, дурачился и шутил, но чаще он чуть снисходительно поглядывал на своих сокурсников, как добрый родитель. Его уважали и слушались. В нем была удивительная основательность, и еще он все знал.

– Нет, Темыч, – Анита разговаривала с ним свободнее других, поскольку знала Артема очень давно – они жили в одном доме уже больше десяти лет, поэтому ей позволялось чуть больше других, – нет, я не уйду, – повторила она, – просто мне сегодня как-то не сосредоточиться, ничего записать не могу. Слушать – слушаю, а записать... Дашь?

– Дам, – улыбнулся Артем и чуть качнул головой, – иди, слушай спокойно.

– Дубов! – в открытую дверь заглянул какой-то парнишка, – на следующем перерыве зайди на кафедру физкультуры, просили передать!

- Ладно! – крикнул в ответ Артем, – спасибо!
Парнишка кивнул и скрылся за дверью.
– Зачем тебе к физкультурникам? – спросила Анита.
– Схожу – узнаю.
– А я думала, ты все заранее знаешь... – Анита пожала плечами деланно разочарованно.
– Знаю, – подтвердил Артем, – но надо уточнить....
Они рассмеялись.

На самом деле Екатерина Николаевна любила последние пары. Тишина, заполняющая быстро пустеющие коридоры и аудитории университета, вызывала ощущение покоя и значимости. Только что здесь разговаривали, спорили и смеялись, только что стены, окна, коридоры принадлежали всем и никому, только что вокруг все двигалось, мешалось и шумело, но вот гудящая многоликая веселая толпа начинала редеть, люди растворялись незаметно и плавно, как в кино. Редкие задержавшиеся вдруг начинали говорить чуть тише, двигаться чуть медленнее, прощаться чуть загадочнее, и старое здание теперь принадлежало только им – редким задержавшимся. После шума и движения эта тишина и неторопливость казались каким-то особым подарком, наградой избранным, сумевшим дождаться....

Екатерина Николаевна любила последние пары. Она, отпустив студентов, дружно и торопливо покинувших аудиторию и разноголосно попрощавшихся, медленно сложила раскинутые листы своих заметок, убрала в сумочку ручку и телефон и подошла к окну. Сейчас еще рано выходить в коридор, сейчас они, уходящие, еще не ушли. Несколько минут нужно подождать. Темное небо, неровно высвеченное лишь неяркими отблесками городских огней, знакомо заглянуло в проем раздвинутых штор. Екатерина Николаевна улыбнулась ему: «Привет» и легко постучала кончиком пальца по стеклу: «Снега все нет? – тихонечко, совсем неслышно прошептала она, – а пора бы уже...». Она еще раз посмотрела на темный небосвод и, чуть вздохнув, задернула шторы – пора, уже можно выходить.

В коридорах было пустынно, и даже на кафедре уже никого не было. Катерина сложила в стол свои бумаги, проверила, выключен ли компьютер, посмотрела на полке ключ от кабинета, где они оставляли верхнюю одежду – ключа не было – покачала головой: не закрыли, нехорошо, все-таки там вещи, а вечером мало ли кто зайдет, вахтер вряд ли, конечно, пустит, но все-таки, и наконец, погасив свет, направилась за курткой в соседний кабинет. Там горел свет и за столом полностью одетый сидел Даниил Федорович.

– Долго собираешься, Катя, мне уже жарко, – он поднялся и, достав Катину куртку, расправил ее, готовый помочь ей одеться.

Екатерина вспыхнула. Она хотела спросить, зачем он ее ждал, или сказать, что не знала, что он ее ждет, или хоть что-то ответить, но не смогла произнести ни слова. Потому что испугалась. Испугалась, что он скажет, что у него к ней дело, например, что он хочет поменяться лекциями, или что у него вопрос по ее курсу, или еще что-нибудь прозаичное, и неромантическое. А ей сегодня с утра хотелось романтики, и ей хотелось, чтобы падал снег, и чтобы ее ждали просто так, потому что... просто ждали. Поэтому Екатерина молча подошла к ожидавшему ее мужчине, молча приняла куртку, украдкой взглянула на себя в зеркало и легко натянула перчатки. И так и не произнесла больше ни слова, они вышли на темную улицу. Холодный воздух бросил в лицо какую-то морось, и Катерина машинально натянула капюшон. Этот не приметный и бездумный жест вдруг отделил ее от шагнувшего рядом Даниила, который почему-то капюшон не надел, а продолжал шагать с непокрытой головой, которая сразу покрылась мелкими блестящими искорками. То ли дождь, то ли изморось, то ли просто переполненный влагой осенний воздух. Кате под капюшоном было тепло, приятно, но... как-то одиноко, молчаливый Даниил был далеким и чужим – за глухой стеной натянутого капюшона, и она, подчиняясь внутреннему, неосознанному импульсу, неожиданно скинула его, подставив вмиг разлетевши-

еся волосы свежему влажному ветру. И как будто в награду за этот легкомысленный и искренний порыв, вдруг заметались, закружились в воздухе первые, мелкие, робкие снежинки.

– Дэнни, снег! Смотри, снег! – Катерина, словно не веря своим глазам, остановилась, и, сдернув перчатки, протянула вперед раскрытые ладони. – Первый снег, – чуть тише произнесла она, и добавила уже совсем шепотом, – падает снег....

Она подняла глаза на Даниила радостно и чуть испуганно: не подумает ли он..., нет, не так, ... не догадается ли он, что она сейчас вспоминает..., нет, не так, ... что она помнит о том вечере и о том танце. Да, именно так: не догадается ли он, что она помнит....

Но Даниил улыбался чуть насмешливо и совсем неромантично.

– Снег? Разве это снег, Кать? – он натянул ей на голову капюшон дружеским покровительственным жестом, – это не настоящий снег, так, шутка природы....

У Екатерины внутри что-то дрогнуло и как будто оборвалось. Шутка. Шутка природы.... Ненастоящий снег. Она вскинула голову, нарочито сбрасывая надетый им капюшон, и деловито натянула перчатки.

– Да, ты прав, шутка, – сказала она почти спокойно, – скорее, я бы даже сказала, дразнилка, – и сама почувствовала, как в ее интонации, где-то далеко-далеко, совсем незаметно, проскользнула то ли злость, то ли досада. И опережая его реакцию, торопливо произнесла:

– Дэнни, я сегодня на автобусе поеду, так что извини, компанию тебе сегодня не составлю. Пока, до завтра! – и развернувшись, Катя метнулась к остановке. Чуть пробежала, догоняя автобус, и успела вскочить в последнюю дверь. Слава богу, Даниил не успел или не стал ее останавливать! В полупустом автобусе, прислонившись к оконному стеклу, Катерина грустно смотрела на проплывающие мимо ночные улицы. Снег, самый настоящий, густой снег уже валил хлопьями, покрывая дороги, машины, людей.... для нее это был настоящий снег, а для Даниила – шутка природы. Снег в ноябре – шутка. А в мае? Катерина вымученно улыбнулась: для нее все было настоящим, а для него.... шутка. В общем, она попалась точно так же, как все остальные. Как студентки, влюбляющиеся в красивого, умного, модно одетого преподавателя. Как лаборантка Светочка, тихо страдающая по неженатому, мужественному кандидату наук. Как женщины-преподаватели, млеющие от внимательного, вежливого, приветливого мужчины. И ничему не учит чужой опыт, и ничего не значит. Катя вышла на своей остановке. Снег в одно мгновение покрыл ее голову, плечи, забился в сумку и норовил залепить глаза. Пусть, зато не видно слез, а что лицо мокрое и тушь растеклась, так это же от снега.

– М-м-м, Анита, не уходи, погоди немного, – парень невнятно бурчал, уткнувшись губами в ее шею, и прижимая ее к себе все крепче, – рано еще....

– Прекрати, Лешка, – не зло, скорее даже кокетливо отбивалась Анита, – ну хватит уже.

– Чего хватит? – парень пытался поймать ее губы, плохо понимая, что ему говорила Анита.

– Мне домой пора, – Анита неожиданно перестала уворачиваться, и парень легко прильнул к ее губам.

Поцелуй был долгим. Мелкие снежинки уже превратились в настоящий снегопад, и вокруг вдруг стало светлее и наряднее, непокрытые головы целующихся уже покрылись снегом, на плечах и в капюшонах лежали маленькие сугробы, а они, не замечая ничего, все целовались.

– Все, Леш, – Анита, чуть задохнувшись от поцелуя, с трудом перевела дыхание, – все, я пошла.

Парень нехотя разжал руки.

– До завтра? – спросил он, отряхивая снег с ее плеч, чтобы еще хоть немного задержать. Анита рассмеялась и легко прикоснулась губами к его щеке:

– Звони, там посмотрим, – и, помахав ему рукой, скрылась в подъезде.

Парень, засунув руки в карманы куртки, еще немного постоял, глядя на силуэт девушки, мелькавший в оконных проемах лестничного марша, дождался, пока она добежала до своего этажа, улыбнулся неизвестно чему, стряхнул с волос снег, накинул капюшон и, снова засунув руки в карманы, пошел к автобусной остановке.

А Анита, войдя в квартиру, прижалась спиной к входной двери и вздохнула. Знал бы Лешка, о ком она думала, целуясь с ним сегодня! Но знать ему не положено. Лешка – хороший парень, и целоваться с ним приятно, но сегодня Анита мечтала о другом. Она, целуясь с Лешкой, представляла, что это Даниил Федорович. Даниил. Данила-мастер. Анита еще раз вздохнула и громко произнесла:

– Мам, это я!

Не услышав ответа, Анита скинула сапоги и как была, в куртке и перчатках, прошла в комнату. В комнате никого не было, Анита заглянула в спальню, в ванную, на кухню... Дома никого не было. Почему-то Анита встревожилась. Не то, чтобы мама не могла никуда уйти, но обычно вечером она была дома. Достав мобильный телефон и уже набирая номер, Анита увидела на обеденном столе листок бумаги. Записка. И опять тревога полоснула чем-то острым. Анита медленно отложила телефон. «Анечка, я ушла к тете Люде, позвони, как придешь. Целую, мама». Анита облегченно вздохнула: тетя Люда – соседка с третьего этажа. И совершенно непонятно, чего это вдруг Анита заволновалась. Она сняла трубку телефона:

– Теть Люд, а мама у вас еще? Да? дайте ей трубочку, если не трудно... ага, спасибо. Мам, привет, я пришла. А ты долго еще? Не, не торопись. Да, у меня все нормально... Ладно, я поем. Ну, все, пока! – и Анита вернулась в коридор, снимая верхнюю одежду...

Через полчаса она, наскоро поев, налила себе большую чашку чая и уселась на диван, прихватив тетрадь с лекциями, которые ей дал Артем. Ей хотелось пролистать их, вспоминая Даниила Федоровича. Переписывать она, конечно, ничего не станет – просто завтра попросит маму сделать ксерокопии. Они же не в диком лесу живут. А сейчас она просто посмотрит. С наслаждением потягивая горячий чай, Анита раскрыла тетрадь Артема. Потом вспомнила, что и сама что-то записывала, не поленилась – встала за своей тетрадью и снова уютно устроилась на диване. Телефонный звонок раздался в тот самый момент, когда Анита наткнулась в своей тетради на сегодняшнюю странную записку без подписи «У тебя есть конкурентка». Анита, не выпуская записку из рук и осторожно отставив чашку на журнальный столик, взяла зазвонившую трубку.

– Алло.

На другом конце послышалось какое-то шуршание, и незнакомый голос произнес:

– У тебя есть серьезная конкурентка. Подумай.

В трубке послышались короткие гудки, и Анита удивленно посмотрела на нее. Пожав плечами, нажала «отбой», кинула небрежно телефон рядом с собой и снова взяла отставленную чашку с чаем. Второй раз за день ее предупреждают о какой-то конкурентке. Это стало интересным. Анита еще раз взглянула на записку, потом на телефон. Она не испытывала ни страха, ни тревоги, ни даже раздражения. Только любопытство. Кто это ей звонил? Голос совершенно незнакомый. А должен быть знакомым, ну хоть отдаленно знакомым, потому что, сколько голос не изменяй – какие-то оттенки, интонации, все равно остаются. Так что голос должен быть знакомым, потому что записку ей прислали на лекции, а это означает только одно – это кто-то из сокурсников. Кто? Анита чуть поерзала от распивавшего ее любопытства. Нет, голос она не узнала, да и мало тот говорил. Она даже не могла сейчас точно сказать – парень ей звонил или девушка. Потому что голос был какой-то... ломающийся. Или мальчик-подросток, или кто-то кто старательно голос изменял. С этого конца не подобраться...

– Аня, ты где? – голос мамы оторвал Аниту от размышлений. Она вскочила с дивана и выскочила в коридор

– Мам, я здесь, – Анита быстро поцеловала маму в щеку, – я поужинала и теперь на диване пью чай, – весело отрапортовала она.

Елена Антоновна заглянула в комнату и, увидев разложенные по дивану тетради, удивилась:

– Лекции? Аня, с каких это пор ты просматриваешь лекции, а не читаешь книги?

– Дык, это...

– Понятно, лекции Даниила Федоровича, – покивала головой Елена Антоновна.

– Мам, а ты завтра сделаешь мне ксерокопии Темкиных лекций?

– Аня, – Елена Антоновна довольно строго посмотрела на дочь, – я что-то не поняла, ты сидишь на лекции и ничего не записываешь, что ли?

Анита замялась:

– Да нет, просто я тут, понимаешь...

– Понимаю, – кивнула мама, – понимаю, что ты сидишь и витаешь в облаках, любуясь молодым интересным преподавателем.

– Ну мам...

– Аня, выбрось это из головы, – вздохнула Елена Антоновна, – добром это не кончится...

– Ну почему ты знаешь, – Анита посмотрела на маму чуть вызывающе, но ласково, – он на меня сегодня так смотрел...

– У него таких, как ты, на каждом курсе десятков, – улыбнулась мама, – не увлекайся сильно, Аня, и смотри на жизнь трезво.

– Я подумаю над вашим предложением, – церемонно-шутливо произнесла Анита и, не выдержав, счастливо рассмеялась, при этом чуть виновато посмотрев на маму, – мам, он такой классный!

Елена Антоновна только покачала головой.

Среда

Утром волшебство закончилось. Еще поздно вечером город был похож на сказочную страну, укрытую мягким снежным покрывалом, еще ночью уличные фонари освещали кружевные ветви деревьев, а редкие машины приглушенно пролетали по белым дорогам, а утром уже все закончилось. Деревья сбросили белые одежды, моментально превратившиеся в серую массу, на дорогах образовалось грязное месиво, а с неба сыпался мелкий холодный дождь. Не осталось ничего, что напоминало бы о вчерашней сказке. Серо, грязно и сыро. Екатерина Николаевна поежилась, стоя на крыльце, но делать было нечего, идти на работу все равно нужно. А как раз сегодня идти ей не хотелось. И не потому, что утром кончилась сказка и под ногами образовалась хлюпающая каша, от которой моментально набухают сапоги и мокнули ноги: к такому она привыкла – ноябрь у них почти всегда такой. Ей не хотелось потому, что вчера закончилась и ее снежная сказка, и еще потому, что она не знала как ей себя вести в этой ситуации – после сказки, которую она себе выдумала. «Как ни в чем не бывало – твердила она себе, – надо вести себя как обычно», но почему-то ей казалось, что она не сможет «как обычно». «Ничего не произошло, с чего вдруг я так переживаю? – размышляла она, пытаясь обойти наиболее глубокие лужи, – ведь на самом деле, ни он ничего не сказал, ни я ничего не сказала. Он не помнит про музыку, под которую мы танцевали? Но это же... нормально, скорее я ненормальная, придумывающая себе что-то». Как ни странно, но Катерина понимала, что, в общем-то, ничего не случилось, но у нее было устойчивое, непреходящее ощущение, что ей дали понять, что ее мечты – это только ее мечты, и никакого отношения ни к Даниилу, ни к их дружеским отношениям, ни к вообще реальной жизни они не имеют. Ей казалось, что она чувствует это на каком-то интуитивном, подсознательном уровне, и чем больше она думала об этом, тем яснее понимала – да, ей дали понять, ее поставили на место. Она не осознавала, что «накручивает» ситуацию, и к тому времени, когда она дошла до работы, она была твердо убеждена: Даниил Федорович благородно дал ей понять, чтобы не строила иллюзий и еще, что он, получается, настоящий ее друг. Это был довольно странный вывод, но Екатерина этого не заметила. Вернее она заметила, но объяснила себе это просто – другой мужчина на его месте мог попытаться воспользоваться ее... увлеченностью, нет, она конечно, мужу изменять не стала бы – как можно?! – но история могла бы стать неприятной, некрасивой, пришлось бы ссориться, избегать встреч. В общем, другой мог испортить их отношения, а Даниил все расставил по своим местам сразу, значит, дружбой их дорожил, а что Катя что-то там придумала, так он в этом не виноват вовсе. Она даже чуть замедлила шаги, на доли секунды задержавшись перед дверью, чтобы еще раз представить, как открыто и спокойно встретит взгляд Даниила, улыбнется ему новой открытой и дружеской улыбкой, без потаенности и недосказанности... И потом решительно вошла в кабинет.

Даниил молча и хмуро кивнул в ответ на Катину «Здравствуйте», и снова уткнулся в какие-то листы, лежащие стопкой перед ним. Он читал их сосредоточенно и мрачно, делая на полях карандашные заметки. Екатерине очень хотелось посмотреть ему в глаза «открытым дружеским взглядом», как она себе представляла, показать ему, что поняла его «благородство» и готова принять его как «настоящего друга», но Даниил Федорович на нее не смотрел. А подходить к нему сама она не посмела. Так и не встретившись с ним взглядом, Екатерина Николаевна ушла на занятия. На одном из перерывов она услышала, как Даниил Федорович обсуждал с Алевтиной Владимировной новый сборник, готовящийся к выпуску на их кафедре.

– Столько ляпов, я не понимаю, – раздраженно говорил он, – как будто я им не печатный текст дал, а рукопись! Или шифровку! Они что, специально переделывают наши тексты?!

– Успокойтесь, Даниил Федорович, – вздыхала заведующая кафедрой, – Вы же понимаете, там не специалисты...

– Так пусть и не трогают ничего, раз не специалисты....

Екатерина Николаевна тихонько вздохнула. Вот чем он так раздражен был, когда она пришла. Он вычитывал свою статью. А она уж опять подумала.... Нет, хватит, больше она не станет ничего придумывать.

– Екатерина Николаевна, сколько ваших едут на конференцию в пятницу? – Алевтина Владимировна окликнула Екатерину, с извиняющейся улыбкой похлопав по руке Даниила Федоровича, как бы прося прощения, что перебивает его возмущенную речь, а он, усмехнувшись, покладисто кивнул.

– Моих трое, – Екатерина Николаевна чуть удивленно посмотрела на заведующую, – я списки давно отдала.

– Я знаю, знаю, просто уточнила, не передумал ли кто. Все-таки гостиницу же заказываем.

– Нет, никто не передумал, – весело рассмеялась Екатерина Николаевна, – не так часто у нас такие мероприятия.

Да, такие мероприятия бывали не так часто. Научная конференция с участием студентов, проходящая в соседней области, на базе музея-заповедника, с проживанием в гостинице, с питанием и культурной программой. И все за счет принимающей стороны. Принимающая сторона – педагогический институт соседней области – выиграл какой-то грант, и вот теперь они организовали такую замечательную конференцию и пригласили Катин университет. От них едет довольно представительная делегация, двенадцать студентов и семь преподавателей. Когда Екатерине Николаевне предложили принять участие, она очень обрадовалась, но сразу согласия не дала, потому что не была уверена, что Павел разрешит ей уехать на три дня. Но он почему-то совсем не возражал, даже наоборот, как будто обрадовался. «Конечно, поезжай, это же твоя работа», – сказал он. И вот она едет.

– Екатерина Николаевна, скажите своим, что выезжаем в одиннадцать ноль-ноль от университета. – Алевтина Владимировна чуть улыбнулась, – и пусть паспорта не забудут. У вас едут Львова, Дубов и Смирнова?

– Да, они.

– Ну, раз едет Дубов, значит, все будет в порядке, – неожиданно встрял в разговор Даниил Федорович, – можно не беспокоиться, этот проверит все.

– Да, ответственный мальчик, – весело согласилась Екатерина Николаевна, желая поддержать разговор, но Даниил промолчал, снова уткнувшись в какие-то свои бумаги.

Повисла неловкая пауза, и Екатерина повернулась в Алевтине Владимировне:

– Выезд в одиннадцать? Так рано?

– Да, решили пораньше, там после обеда уже намечено первое культурное мероприятие – выезд в монастырь неподалеку. Я думаю, нашим ребятам это тоже будет интересно.

– Конечно, – улыбнулась Екатерина Николаевна, – я и сама с удовольствием съезжу. Только девочек нужно предупредить, чтобы юбки одели, а то не пустят в монастырь-то....

– Оля, Смирнова! Подожди! – Артем догнал девушку и остановил ее, чуть прихватив за плечо, – постой секунду.

Девушка послушно остановилась, смущенно поправив выбившуюся прядь волос. Артем ей нравился. Впрочем, как всем мальчишкам нравилась Анита, так всем девчонкам нравился Артем. Просто нравился. Потому что мечтать о нем было нереально. Как об артисте или о Данииле Федоровиче, например. Поэтому девушки влюблялись в других, с другими целовались, танцевали и кокетничали, но Артем им нравился.

– Оля, ты в курсе, что выезд в одиннадцать от универа? – Артем деловито нахмурил брови, – тебе передали?

– Да, Артем, я знаю, – девушка кивнула и жалобно взглянула на парня: ей не хотелось так сразу заканчивать разговор.

– Хорошо, и еще, Оля, не забудь паспорт, а то в гостиницу не поселят, – Артем неожиданно широко и ласково улыбнулся, – хочешь, я тебе вечером в четверг позвоню и напомним, чтобы в сумку положила?

– Да, хочу, – от неожиданности у нее даже перехватило дыхание.

– Телефон свой давай, – Артем достал свой мобильный и приготовился записывать.

Ольга растерялась.

– Я не помню своего номера, – она покраснела и неловко забормотала, вертя в руках свой маленький изящный мобильник, – вот всегда помнила, а сейчас вдруг забыла...

– Да понятно, ты же по нему не звонишь, – усмехнулся покровительственно Артем, – давай, звони мне, твой и высветится. Восемь, девятьсот одиннадцать..., – начал он диктовать.

– Телефончиками обмениваетесь? – раздалось неожиданно над самым ухом Оли, – у нас тут как, роман начинается или где?

Оля, вспыхнув, подняла глаза: перед ней стояла Анита. Нет, Ольга Смирнова не была слишком робкой или слишком застенчивой девушкой. Это только перед Артемом она смущалась и терялась, а вот Аниту она не боялась, скорее наоборот, они были в дружеских отношениях.

– Конечно, «где», Аниточка, Артем вызвался помочь мне в борьбе с моей рассеянностью, – улыбнулась она, – чтобы я паспорт не забыла.

– Это правильно, – весело согласилась Анита, – а то будешь спать в автобусе. Кстати, Тема, мне тоже надо напомнить, а то я-то в автобусе спать не стану, я тогда к тебе приду...

– Испугала, – хмыкнул Артем, – теперь позвоню обязательно.

Они рассмеялись, а Оля покраснела.

– А кто из преподавателей едет? – спросила она, – наша Екатерина Николаевна, я знаю точно, а еще?

– Ой, их там семь или восемь человек, из наших только Катя, и Данила-мастер.

– Даниил Федорович едет? – живо обернулась к Артему Анита, – Темыч, это точно? Вроде его в первых списках не было...

– Едет, точно. Не знаю, вместо кого, но он едет точно.

Анита улыбнулась. Судьба ей явно благоволит, подумалось неожиданно. Раз уж Даниил Федорович едет с ними, то это неспроста. Жить они будут в одной гостинице, завтракать, обедать и ужинать – все вместе, а там можно и вечером в гости напроситься, сказать, что что-то не поняла, или попросить что-то рассказать, а может, он и сам проявит инициативу, не зря же он так смотрел на нее вчера...

– Анита, ты слушаешь или нет? – голос Артема вернул ее на землю, – о чем задумалась, детка?

– Ни о чем, – дернула плечом Анита, – просто отвлеклась...

– Не забудь юбку взять с собой, – Артем смотрел на нее с ласковой усмешкой, – только подлиннее, у нас в программе – посещение монастыря.

– А ладно, найду что-нибудь, – легко отмахнулась Анита, – а что за монастырь? Мужской?

– Женский.

– Во, а чё я тогда туда попрусь? – протянула Анита, – интереса никакого...

– Архитектуру посмотреть – там храм шестнадцатого века, – хмыкнул Артем, – и потом, можно подумать, тебя с монахами знакомить будут...

– А даже если бы и познакомили, – подхватила Оля, – они же монахи, какой с них ..., – она запнулась.

Анита рассмеялась:

– Судя по художественной литературе, монахи как раз очень даже ничего мужчины.... Только ж разве теперь те монахи? Помните, мы были в прошлом году на экскурсии? – Анита взглянула на Ольгу, и та согласно кивнула, помню, дескать, – Помнишь, какие там монахи

были? Сытенькие такие, пухленькие.... Кельи себе строят с удобствами. Никакой духовности....

– Так тебе монахи нужны или Даниил Федорович? – неожиданно поддел вдруг Аниту Артем, – ты уж определись....

– Даниил Федорович? – это Ольга удивленно воззрилась на Аниту, – Анита?!

Неожиданно для себя Анита вспыхнула, но ответила легко:

– А что? мужчина он интересный...., да и потом, смотрит на меня, – она чуть прищурила глаза, – не заставляй же его долго страдать...

– А по-моему, он за нашей Катей ухаживает, – неожиданно сказала Оля, – я их вместе видела.

– За Катей? Екатериной Николаевной? – удивленно уточнила Анита, – она же старая и замужем.

– Не старая она, – вмешался Артем, – ей тридцать лет всего...

– Тридцать! Темыч, уже тридцать! – рассмеялась Анита, – или тебе старухи нравятся?

– При чем тут я? Но тридцать – это не старуха, – спокойно возразил Артем, – но она и правда замужем.

– А дети есть?

– Нет, кажется.

– Оль, а когда ты их видела? – Анита не то, чтобы расстроилась, но нахмурилась: если у Даниила с Катей роман, то поездка будет не такой легкой, как ей представилось вначале.

– Позавчера, кажется, – Оля пожалала плечами, – после занятий они вместе шли.

– Целовались? – Анита чуть двусмысленно приподняла бровь.

– Нет, – отчего-то рассмеялась Ольга, – они просто шли и даже не очень оживленно разговаривали.

– Пфф, – фыркнула Анита, – ну это тогда фигня. Катя мне не ..., – Анита запнулась и растерянно замолчала. Она хотела сказать, что замужняя тридцатилетняя училка ей не конкурентка, но вдруг вспомнила про записку. «У тебя есть конкурентка». Это что, неизвестный доброжелатель имел в виду Екатерину Николаевну? Тогда возникает сразу много вопросов.... Во-первых, откуда этот «писатель» знает, что ей, Аните, нравится Даниил Федорович? А он ей нравится, в этом Анита себе врать не станет, кому угодно, только не себе. Но об этом знает, вернее, догадывается только мама. А автор записки догадался не только про Аниту, но он еще что-то знает и про Катю и Даниила. У них на курсе только один человек все знает, да и про Анитины чувства мог догадаться....

– Анита, что с тобой?

Озадаченный и чуть взволнованный голос Артема вывел Аниту из оцепенения. Она резко вскинула голову и насмешливо посмотрела на парня:

– Слышь, Темыч, ты же все должен знать, ну-ка, колись давай: у Кати с Данилой роман?

– Первый раз слышу, – покачал головой Артем, – и вообще-то это не наше дело, – он почему-то рассердился. – Вот тебе приятно будет, если твои отношения будут обсуждать все, кому не попадя? – вдруг начал он «наезжать» на Аниту. – Тебе понравится, если будут за твоей спиной сплетничать? Целовались – не целовались, спят – не спят, изменяют – не изменяют, кто с кем, кто за кем...

Анита удивленно смотрела на разошедшегося парня. Такой бурной реакции она не ожидала. Похоже было, что Артем рассердился не на шутку, и это в глазах Аниты говорило в его пользу. Вряд ли он при таких мыслях и принципах стал бы писать эти глупые записки. Да и вообще это на него не похоже.

– Угомонись, Тем, – примиряюще сказала Анита, – никто никого не обсуждает, я просто спросила, Оль, ну хоть ты ему скажи....

– Да это я виновата, – неожиданно смутилась Оля, – первая начала говорить, что видела их, – она виновато улыбнулась, – Артем прав, что мы как бабки старые у подъезда...

– Да какие бабки! – вспыхнула Анита, – спросить ничего нельзя... Да ну вас...

Она развернулась и ушла. А Оля неожиданно ласково посмотрела ей вслед. Она хотела сказать Артему, что, похоже, Анита влюбилась в нового преподавателя, но вспомнила, что это опять будет обсуждение «за глаза» и промолчала: в глазах Артема выглядеть сплетницей ей не хотелось.

– Оля, давай закончим с телефоном, – спокойно, как будто не он только что почти кричал, произнес Артем, – чтобы я мог завтра тебе позвонить насчет паспорта...

Строгий силуэт кафедрального собора горделиво плыл над темной, еще не замерзшей рекой. Ради этих нескольких минут, когда при переходе через огромный мост виден собор, Катерина ходила с работы пешком в любую погоду. Вот и сегодня, несмотря на слякоть и сырость, она снова пошла пешком, чтобы полюбоваться прекрасным видом. Да и думалось при ходьбе намного легче, особенно в конце дня. Сегодня у нее всего две пары, и закончила она рано. До прихода мужа с работы еще целых два часа – можно пройтись пешком через мост и все равно с ужином она все успеет. Даниил Федорович остался в университете – у него сегодня как раз последняя пара. И хорошо, что она раньше ушла, потому что не получилось у нее сегодня разговаривать с ним «по-дружески», смотреть «открытым дружеским взглядом», показать ему, что она поняла, что они «просто друзья». Катерина поймала себя на мысли, что думается ей сумбурно и однотипно: «по-дружески, друзья, дружеский взгляд». Как будто что-то переклинило в голове, и выпутаться никак не получается. А надо бы. Ах, как надо бы прояснить отношения до пятницы! Потому что в пятницу они едут на конференцию: придется ехать в одном автобусе, вместе обедать и ужинать, жить в одной гостинице и все это в присутствии внимательных, остроглазых и смысленных студентов. Они быстро «просекут» и напряженность и недосказанность. Так что лучше бы все «досказать» заранее. Сердце чуточку сжалось: ему не хотелось «досказывать», но Катерина только крепче стиснула зубы: нужно. Только как это сделать... вот в чем вопрос

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.